

судиться пред судом императорским. Он говорил: у меня есть свой суд, заседатели, рейторы, засыпать приговоры будем карточками. Действительно, большая опасность угрожала духовным курфирстам, но между светскими курфирстами и протестантскими нашлись такие, которые поняли, в чем дело. Ландграф Филипп Великодушный Гессенский понял, что здесь дело в вопросах политических — существовании князей немецких. Если бы во главе Германии стоял император немецкий, можно бы предполагать, что он помог бы Сикингу, но император был иностранец, не знавший почти по-немецки и плохо знавший отношения. Сикинг был разбит, осажден в замке своем, пушки вошли уже тогда в употребление. Он сам был смертельно ранен, сдался и умер. Гуттен бежал в Швейцарию. Один, без денег, без пособий, преследуемый и гонимый, он обратился к прежнему другу Эразму Роттердамскому. Эразм отказался даже от свидания с ним, боясь навлечь себе опасность. Большой Гуттен отстлел ему ядовитым посланием⁸. Он умер в бедной хижине, лишенный всего, но исполненный надежд. К числу последних слов его принадлежат следующие: «Наука процветает, умы пробуждаются, весело жить на свете»⁹. После смерти Сикинга и Гуттена имперские рыцари уже не имели вождя и не могли продолжать начатого движения.

Но другое, более грозное движение подвигалось под этим. Мы видели, в какой тесной связи находилось государство средневековое с церковью. Лютер отделял строго церковь от государства, но, восставая против власти пап и затронув церковь, он затронул все государство. Проповедники, вытесненные им из Виттенберга, в Западной Германии нашли уже готовую почву. Положение крестьянского сословия в Германии в это время было чрезвычайно тяжело. Крестьяне доведены были до крайней бедности, новые проповедники обещали им не только духовные, но и мирские блага. В 24 и 25 годах поднялись крестьяне Западной Германии¹; это уже не были рыцари, воевавшие с дворянством и князьями. Это была война, объявленная массами невежественными, фанатическими, не знавшими пределов своим требованиям. В средней Германии во главе их стоял Фома Мюнцер, фанатик, живший в видениях, лишенный смысла действительности, думавший об освобождении всех народов и тварей; он препоясался, как говорил, мечом Гедеона на князей немецких. В Мюльгаузене составил он общину, отсюда рассылал полки против окрестных замков. Когда против него выступили рыцари, Филипп Великодушный, он был до того уверен в победе, что уверял своих, будто ядра не будут им приносить вреда, сам стал собирать их. Но они были разбиты, он был взят, страшно пытан и умер мучительной смертью (1525 г.). Во Франконии и Швабии крестьяне заставили некоторых рыцарей стать во главе своей, и в том числе Гетца von Berlichingen'a. В настоящей истории драматическая роль его не была такая поэтическая, как у Гете; он стал во главе крестьян, но при их неудаче тайком